

История

УДК 94:355.244.2(476.5–37Орш2)«1922»

Деятельность Оршанского базисного пункта по реэвакуации беженцев Первой мировой войны в 1922 году

А.М. БАБКОВ

В статье анализируется создание и деятельность крупнейшей на территории Беларуси Оршанской базы по реэвакуации беженцев Первой мировой войны в Польшу на завершающем этапе. Охарактеризованы основные виды социальной помощи транзитным беженцам и другим категориям мигрантов. Автор статьи делает вывод, что Оршанский пункт являлся частью советской эвакуационной системы, строго централизованной и подчиненной Центрэваку РСФСР.

Ключевые слова: базисный пункт, Орша, Главэвакзп, беженцы, переселенцы, транзит, эшелон, Польша, «самотек», паек, тиф, барак, реэвакуация.

The author analyzes the creation and activities of the Orsha base, the largest on the territory of Belarus, for the re-evacuation of World War I refugees to Poland at the final stage. The main types of social assistance to transit refugees and other categories of migrants are characterized. The author of the article concludes that the Orsha point was part of the Soviet evacuation system, strictly centralized and subordinate to the Centrevak of the RSFSR.

Keywords: base point, Orsha, Glavavakzap, refugees, migrants, transit, echelon, Poland, "drift", ration, typhus, barrack, re-evacuation.

В условиях уменьшения численности беженцев и пленных Первой мировой и Гражданской войн на территории Советского государства, а также финансово-экономических трудностей в конце 1921 – начале 1922 гг. в деятельности советских эвакуационных органов наметилась тенденция к их укрупнению и централизации. При обсуждении плана Центрального управления по эвакуации населения (Центрэвак) РСФСР о преобразовании губернских и уездных управлений по эвакуации населения (губ- и уездэваки) в базисные и линейные пункты управление Главноуполномоченного Центрэвака по Западной области (Главэвакзп) во главе с Л.И. Розенгаузом считало целесообразным создание на территории Беларуси баз «в пунктах имеющих тяготение к приграничным пропускным пунктам» [1, л. 12]. Орша больше подходила для базисного пункта и с точки зрения путей сообщения, т. к. расположена на пересечении крупных транспортных линий, соединяющих Москву с Минском и Петроград с Киевом.

Беженцы Первой мировой войны из советской России направлялись через Оршу–Минск к приграничному пункту Негорелое для отправки в Польшу. В качестве резервного пункта Оршанской базы рассматривался Могилевский эвак [1, л. 12]. Беженцы, возвращавшиеся из Украины в Прибалтийские республики, пересекали территорию Беларуси по железнодорожной линии Гомель–Могилев–Орша–Витебск.

Выполняя решение Центрэвака по ликвидации губ- и уездэваков, Главэвакзп 6 апреля 1922 г. преобразовал Оршанский эвак в базисный пункт с подчинением ему линейных пунктов. Деятельность Оршанского базисного пункта распространялась не только на территорию Оршанского, но и Сенненского, Горецкого и Могилевского уездов [2, л. 150].

Ко времени преобразования Оршанского управэвака в базисный пункт во главе с Х.С. Рабиновичем при нем функционировали регистрационно-эвакуационный отдел (зав. А.С. Стекель), счетно-финансовый (зав. Р.О. Берманд), лечебно-питательный (зав. М.С. Троднянский), а также госпиталь (зав. В.В. Кошелев). Всего штат эвакопункта состоял из 194 служащих, который предстояло существенно сократить, несмотря на увеличение объема эвакуационной работы [3, л. 43, 46].

Управление Оршанского уездэвака размещалось в здании, которое оно занимало со времени установления Брестского мира и открытия в городе обменного пункта для пленных и беженцев. Деятельность эвака не прекращалась даже в период польско-советской войны, хотя война задержала возвращение домой вынужденных мигрантов. После установления Рижского мира Оршанский эвакопункт стал наиболее востребованным среди всех эвакуационных учреждений Главэвакзапа, что потребовало укрепления его материальной базы для массового приема и обслуживания беженцев и других контингентов населения. Эффективность его эвакуационной работы во многом обеспечивалась размещением всех отделов уездэвака в одном помещении, расположенном недалеко от железнодорожного вокзала, что позволяло обслуживать проходящие эшелоны с беженцами и пленными в любое время суток. Только регистрационно-эвакуационный отдел находился в полуразрушенном бараке фанерной фабрики недалеко от вокзала, где работать зимой было невозможно [4, л. 102].

Весной 1921 г. отдел управления Оршанского уездного исполкома неожиданно для уездэвака направил ему предписание о немедленном переселении отделов уездэвака в здание бывшей Привокзальной почтовой конторы. Управление уездэвака немедленно обратилось в президиум исполкома с заявлением о необоснованности и недопустимости требования о выселении учреждений эвака из занимаемого им помещения, т. к. данный вопрос находится в компетенции Главэвакзапа, без согласия которого местные советские власти не вправе были лишать эвака его помещений [4, л. 102]. Управление уездэвака расценило акт исполкома как противодействие эвакуационной работе, которая «не может быть прервана или заторможена ни на один день» и особенно в период массовой реэвакуации беженцев. Начальник уездэвака в письме на имя зав.отдела управления исполкома отмечал: «Предлагаемое помещение не только не соответствует своими размерами, но и не может быть использовано, т. к. требует полного капитального ремонта, в то время как занимаемое ныне здание с большими усилиями удалось за 3 года приспособить к нашим условиям работы» [4, л. 102].

В 1922 г. основная масса беженцев Первой мировой войны из советской России направлялась транзитом через крупный железнодорожный узел Оршу к западной границе. Однако в конце 1921 – начале 1922 г. сложилось катастрофическое положение с железнодорожным транспортом, что привело к скоплению и простаиванию беженских эшелонов по всей линии Александровской железной дороги (Москва – Варшава). 1 февраля 1922 г. на совещании при управлении Александровской дороги было обращено внимание на то, что на всем пути этой транспортной магистрали находилось 10 262 мигранта, в т. ч. на станциях дороги простаивало 285 вагонов с 6518 беженцами и в движении находилось еще 164 вагона с 3744 беженцами. Причем, больше всего их находилось в Орше, где скопилось 213 вагонов с 4925 беженцами [5, с. 46].

По данным регистрационно-реэвакуационного отдела Оршанского базисного пункта, основной поток транзитных беженцев Первой мировой войны в Орше наблюдался с января по август 1922 г.

Таблица 1 – Сведения о движении беженских эшелонов через Оршанский базисный пункт в 1922 г. [6, л. 5]

Месяц	ПРОСЛЕДОВАЛО							
	Беженцев				Беженцев голода		Легионер.	
	Транзитом		Самотек.		кол. эшел.	Число люд.	кол. эшел.	Число люд.
кол. эшел.	Число люд.	кол. эшел.	Число люд.					
Январь	19	10748	4	2732	–	–	–	–
Февраль	12	9638	1	1030	–	212	–	1886
Март	18	13088	2	1783	–	–	–	–
Апрель	18	14610	2	710	–	574	–	134
Май	21	14240	2	3414	1	2223	1	979
Июнь	15	11679	5	3117	–	1212	–	2
Июль	21	13583	3	2761	–	190	–	–
Август	22	13873	–	191	–	19	–	–
Сентябрь	17	7996	–	–	–	–	–	–
Октябрь	12	7043	1	131	–	–	–	–
Ноябрь	12	3534	1	120	–	–	–	–
Декабрь	7	2134	–	–	–	–	–	–
ИТОГО:	194	122161	21	15989	1	4430	1	3001

Как следует из таблицы, весной-летом через ст. Орша наблюдалось наиболее массовое транзитное движение беженцев, которое оставалось стабильным на протяжении всего полугодия. В этот период ежемесячно через Оршу возвращалось в Польшу 15–16 тыс. беженцев, а пик пришелся на июль, когда в направлении погранпункта Негорелое прошло 24 эшелона с 16 534 беженцами. Осенью 1922 г. ситуация стала меняться в сторону существенного уменьшения потока транзитных беженцев, численность которых уменьшилась в два раза по сравнению с летним периодом. В ноябре через ст. Орша возвратилось на родину 3654 беженца, в декабре – 2134. В целом, по данным управления Оршанского базисного пункта, в 1922 г. через ст. Орша прошло всего 194 транзитных эшелона с 122 161 беженцем и 3001 легионером, которые возвращались в Польшу. Из них Оршанский базисный пункт принял и организовал отправку к границе 21 «самотечный» эшелон с 15 989 беженцами [6, л. 5].

Столкнувшись с проблемой прибытия несанкционированных Центрэваком беженских эшелона, Оршанский базисный пункт прилагал дополнительные усилия по подготовке их отправки к границе. «Самотечные» беженцы возвращались из далекой Сибири, в частности из Новониколаевска, Красноярска, Челябинска, а также из губерний Поволжья, охваченных засухой и голодом. У большинства беженцев не было оформленных документов для отправки за границу. Многие из них имели только удостоверения волосных исполкомов и сельсоветов, где они проживали во время эвакуации. В социальном отношении это были наиболее бедные беженцы, среди них были многодетные, которые оказались в исключительно тяжелом материальном положении.

«Самотечные» эшелоны задерживались в Орше на длительное время – от недели и больше, время необходимое для сбора документов беженцев, составления списков и их визирования польским представителем в Минске. «Самотечные» беженцы все это время находились в неотопливаемых, сырых вагонах, среди них росла заболеваемость. Они переходили на полное продовольственное обеспечение и медицинское обслуживание базисного пункта, что увеличило нагрузку на эвакуационные учреждения базисного пункта и требовало дополнительных материальных ресурсов.

Чтобы не допустить скопления беженцев в Минске, Центрэвак нередко направлял в Оршу отдельные эшелоны с беженцами для их регистрации и оформления документов на выезд за границу. Иногда эшелоны с польскими беженцами задерживались по техническим причинам.

В ежемесячных сводках регистрационно-эвакуационного отдела Оршанского базисного пункта указывается на многочисленные факты прибытия на ст. Орша «самотечных» эшелона. Так, в январе 1922 г. в распоряжение Оршанского эвакуационного пункта прибыли первые три эшелона польских беженцев и эшелон легионеров, списки которых не были завизированы польским представителем. По распоряжению Центрэвака они были задержаны в Орше в течение трех недель [6, л. 3]. В мае в Орше были задержаны два «самотечных» эшелона с польскими беженцами, прибывшие из Челябинска и Смоленска [2, л. 182]. В июне после составления списка на 1139 беженцев, его визирования в местном отделении ГПУ и уполномоченным польской делегации в Минске, эшелон был направлен в Негорелое для дальнейшего следования в Польшу [2, л. 211]. Требование советского правительства завершить реэвакуацию беженцев к концу 1922 г. привело к спешной отправке беженских эшелона к западной границе без официальных документов. Так, в августе из Орши в Негорелое были отправлены два самотечных эшелона из Челябинска и Вязьмы общей численностью 1 464 польских беженцев. Еще один Вяземский «самотечный» эшелон был отправлен из Орши на оформление в Минск [2, л. 271].

В целом, заведующий эвакотделом Главэвакзапа Каплан высоко оценил роль Оршанского эвакуационного пункта, «исключительную энергию его сотрудников в работе с «самотечными» беженскими эшелонами, которым удалось сократить время оформления документов и отправки эшелона на пограничный пункт в Негорелое в течение 6–7 дней» [6, л. 11].

В 1922 г. завершалась реэвакуация польских беженцев, которые по разным причинам оставались на территории Оршанского уезда. Так, в мае была отправлена эшелонам на родину партия местных беженцев численностью 204 человека. В августе вторая группа местных польских беженцев в составе 52 человек тремя вагонами была доставлена в Негорелое [6, л. 3].

После распоряжения Центрэвака об окончательной регистрации беженцев к 20 августа 1922 г. управление Оршанского базисного пункта оповестило беженцев через отдел управления уездного исполкома и волостные власти об их обязательной регистрации для отправки на родину. Однако по разным причинам, и особенно из-за отсутствия необходимых документов, значительное количество польских беженцев оставалось в уезде. После возобновления Оршанским линейным пунктом регистрации беженцев в октябре были составлены новые списки, включавшие беженцев, предоставивших дополнительные документы их беженского статуса. Однако в общем списке на 117 человек уполномоченным польской делегации по репатриации были завизированы документы только на 71 человека, а отправлено в Польшу еще меньше – 40 беженцев [6, л. 3 об].

15 октября эвакуотдел организовал проверку беженцев, проживавших на частных квартирах в Орше и уезде, в ходе которой установили их численность «в количестве 323 человека, которые предоставили подлинные беженские документы для регистрации. Но подавляющее их большинство не было завизировано польской стороной и беженцы продолжили ожидать отправки в Польшу» [6, л. 3 об].

Заведующий регистрационно-эвакуационным отделом Оршанского линпункта Каган обратил особое внимание Центра на тот факт, что уполномоченный польской комиссии по репатриации вычеркивал из списков беженцев Польши в первую очередь «беженцев еврейской национальности, имеющих достаточные документы, необходимые для наложения визы». Несмотря на ходатайство Оршанского линпункта перед Главэвакзапом, Центрэваком, уполномоченными польской комиссии в Минске и Москве о пропуске через границу 24 беженцев-евреев в Польшу «нам ничего утешительного не удалось добиться и беженцы продолжают оставаться в Орше» [6, л. 3 об].

Оршанский базисный пункт выполнял также задание советского правительства по обслуживанию т. н. голод-беженцев, т. е. переселенцев из охваченных засухой губерний Поволжья, не успевших выехать в прошлом году. Среди них оказалось много беженцев Первой мировой войны. По составленным местным собезом спискам Оршанский базисный пункт размещал переселенцев в своих бараках, снабжал их продуктами и оказывал медпомощь.

Наиболее массовое движение беженцев голода наблюдалось в мае (2223 человек) и июне (1212 человек). Всего через Оршанский базпункт в 1922 г. прошло 4430 голод-беженцев [6, л. 5]. Когда весной переселенцы стали «осаждают базпункт с просьбами об их отправке обратно на родину», Центрэвак потребовал от обратников предоставления «документов о сохранности их хозяйств», которых у переселенцев не могло быть. Осознавая неизбежность возвращения переселенцев в прежние места их постоянного проживания, Главэвакзап разрешил «отправку обратников при наличии по 5 пудов семян на душу». Перевозка их в Поволжье производилась партиями и за счет средств местных помголов [6, л. 11].

Наиболее острым в работе Оршанского базисного пункта был жилищный вопрос. После установления советско-польского перемирия и предстоявшей массовой реэвакуации из советской России военнопленных и беженцев 24 ноября 1920 г. начальник Оршанского управэвака поставил в известность управление Главэвакзапа о плачевном состоянии беженского лагеря эвака. При общей вместимости 1200 человек, основную часть помещений составляли землянки, в которых можно было разместить 750 человек [7, л. 62]. Землянки сохранились от бывшего обменного пункта. 36 отремонтированных землянок «Треугольного лагеря» продолжали использоваться для проживания в них беженцев, которые не могли возвратиться домой [8, л. 62]. Однако со временем землянки разрушились и стали непригодными для размещения в них беженцев. Сырые и темные землянки являлись для беженцев очагами заразы. Поэтому управление Оршанского уездэвака поставило перед Главэвакзапом вопрос о возвращении ранее находившихся в его ведении 10 барakov на товарной станции Ригго-Орловской железной дороги, часть из которых использовались Главэвакзапом, а четыре барака были заняты по распоряжению коменданта города. «Других помещений в районе расположения станции нет, и поэтому только эти бараки могут быть использованы для управэвака», – резюмировал начальник уездного эвака [7, л. 62 об].

В марте 1921 г. при Оршанском уездэваке была создана комиссия, которой предстояло подготовить жилищную базу для массового приема беженцев. В ее состав вошли представители эвака и уездных властей: начальник эвака Х.С. Рабинович, заведующий хозяйством эвака Богород, представитель уездной коммунальной службы Вайнштейн и местного отдела РКИ Александрович. После обследования состояния жилищных помещений уездэвака в т. н. «Треугольном лагере» и «Австрийском лагере», комиссия приняла решение о проведении ремонта помещений эвака и постройки новых барачков. Землянки в «Треугольном лагере» были признаны непригодными для размещения в них беженцев и подлежали сносу. Вместо них планировалось возвести барачки, каждый вместимостью 150 человек из расчета размещения в лагере 1 тыс. человек. Беженские барачки с ул. Шкловской, находившиеся на большом расстоянии от железнодорожного вокзала, переносились в «Треугольный лагерь». Для выдачи в лагере беженцам и другим контингентам горячего питания при кухне была оборудована специальная пристройка. Во втором беженском пункте т. н. «Австрийском лагере» предстояло произвести в барачках ремонт печей, починку полов, установить сквозные рамы и двери. В отдельном помещении открывалась прачечная с сушилкой, которую необходимо было оборудовать установкой для печи и подвести водопровод. «Австрийский лагерь» был обнесен забором с проволочным ограждением [4, л. 43]. Однако из-за финансовых трудностей зимой 1921–1922 гг. в Орше ремонт барачков перенесли на весну.

Первостепенной задачей Оршанского базисного пункта являлось обеспечение бесплатным питанием беженцев и других категорий мигрантов. Продуктами Оршанская база снабжалась продуктами местным уездным и Витебским губернским продкомами, а также Центральной продовольственной базой 401-й версты Главэвакзапа. Для выпечки хлеба на базисный пункт регулярно поставлялось зерно ржи и ячменя с Кохоновского и Александровского сыпных пунктов, которое на Заболотской мельнице перерабатывалось в муку. Хлебопекарней, обслуживавшей Оршанскую базу, ежемесячно выпекалось хлеба: в марте – 347 пуд., апреле – 185, мае – 465, июне – 940, июле – 413, августе – 257, сентябре – 168, октябре – 265, ноябре – 142. Всего в марте-ноябре 1922 г. было выпечено 3182 пуда хлеба [2, л. 121, 155, 182, 211, 249, 271, 303, 330, 358]. Из других продуктов питания на базу иногда поступало сливочное масло, сахар-песок, квашеная капуста, картофель. Мясо заменяла рыба, которая часто оказывалась непригодной к употреблению. Например, в августе отдел снабжения эвакопункта получил по наряду Главэвакзапа из 401-й продбазы 725 пудов сельдей, из которых 36 пудов рыбы было уничтожено [2, л. 271]. В условиях дефицита продуктов беженцы нередко получали на питпункте обеды с опозданием и по минимальным нормам.

В 1922 г. Оршанским базисным пунктом беженцам было выдано 231 369 талонов, по которым они на питпункте получили 113 582 горячих обедов и 143 693 сухих пайков [6, л. 3 об].

Зимой 1921–1922 гг. среди беженцев вновь увеличились эпидемические заболевания, особенно в местах их концентрации на крупных железнодорожных станциях. Существовавшие в среде беженцев антисанитарные условия проживания в неотапливаемых помещениях при отсутствии минимально необходимого питания стали главными причинами вспышки заболевания тифом и дизентерией.

Начальник Главэвакзапа Л.И. Розенгауз докладывал осенью 1921 г. в Москву, что «начиная с октября замечается усиленное развитие эпидемических заболеваний среди прибывающих самотеком контингентов. Беженцы настолько истощены, что «смертность среди заболевших небывало велика и часто достигает до 25 %» [1, л. 14]. Понимая, что рост смертности среди беженцев был вызван во многом их полуголодным существованием, Л.И. Розенгауз признавал, что Главэвакзап «лишен возможности из-за отсутствия продовольственных запасов увеличить норму питания беженцев и фактически держит их на «голодном пайке». Но и ускорить отправку беженцев на родину Главэвакзап не имел возможности, потому что большинство эшелонов прибывало без документов, которые почему-то оставались или в Московском эваке, или эваках отправления». Серьезно мешали отправке беженцев бюрократические проволочки, выражавшиеся, в частности, и в том, что «проверка списков Особым отделом и визирование их Польской делегацией отнимает от 5 до 10 дней»

[1, л. 14]. Далее начальник Главэвакзапа сообщал, что «прибывающие самотечные эшелоны представляют собою жуткую картину. Так, на днях прибыл эшелон в Оршу, с которого снято 15 трупов и 65 больных. Оршанский изолятор, располагавший по штату 120 койками, переполнен. Местный уездздрав отказывается принимать больных за отсутствием мест». Л.И. Розенгауз отметил, что «эпидемия свирепствует только среди контингентов эвака прибывающих преимущественно из голодных мест, ... начали заболеть сотрудники эваков в Орше, Минске, Борисове, Витебске со смертельными исходами». Поэтому он высказал опасение, что эпидемия может перебраться на местное население. «Чтобы эвакопункты не превратились в очаг заразы, потребуется принятие решительных мер. Ситуация осложнилась из-за закрытия изолятора в Смоленске... Мы лишены возможности по пути до Орши подвергать эшелоны серьезной медсанобработке» [1, л. 14]. Медико-санитарный отдел эвакопункта не всегда справлялся со своими задачами, хотя при нем функционировали амбулатория с приемным покоем, изолятор с дезинфекционной установкой, прачечная [9, л. 83 об].

В связи с завершением транзита основной массы беженцев и сокращением объема работы в сентябре Оршанский базисный пункт был переименован в линейный пункт, а штат его сотрудников в ноябре сократился до 41 человека [2, л. 342]. 2 января 1923 г. на совещании при Главэвакзапе было принято решение о ликвидации Оршанского эвакуационного пункта. Для передачи его отчетности и имущества Наркомзему создавалась комиссия в составе заведующего складом Тумаринсона и представителей Оршанского пункта и уездного здравотдела. В связи с образовавшейся задолженностью эвакопункта Главэвакзапом было рекомендовано его начальнику Х.С. Рабиновичу реализовать на недостающую сумму часть имущества [2, л. 338, 373].

В целом, в 1922 г. Оршанская база являлась крупнейшим эвакуационным учреждением на территории Беларуси по реэвакуации беженцев к западной границе. По более полным сведениям Главэвакзапа, в которых наряду с транзитными учтены «местные» беженцы, интернированные и военнопленные мировой войны в 1922 г. Оршанским базисным пунктом к границе было доставлено 149 170 человек, в т. ч. 130 795 транзитных беженцев, 8272 беженца «самотека», 1030 местных беженцев, 4643 военнопленных и интернированных [6, л. 12].

Литература

1. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 39. Оп. 1. Д. 430.
2. НАРБ. – Ф. 39. Оп. 1. Д. 780.
3. НАРБ. – Ф. 39. Оп. 1. Д. 492.
4. НАРБ. – Ф. 39. Оп. 1. Д. 429.
5. Щеров, И. П. Центропленбеж в России (1918–1922) / И. П. Щеров. – Смоленск : СГПУ, 2000. – 95 с.
6. НАРБ. – Ф. 39. Оп. 1. Д. 643.
7. НАРБ. – Ф. 39. Оп. 1. Д. 131.
8. НАРБ. – Ф. 39. Оп. 1. Д. 39.
9. НАРБ. – Ф. 39. Оп. 1. Д. 462.